

Глава 2. Плата за цветы

То, что Генерал, подавляющий Восток лично притащил Наследника князя Вэйу обратно в поместье, наглядно доказало всему миру: слухи о том, что новый бог войны среди армейцев стал приемным сыном бога войны Царства Цзинь, князя Вэйу, чистая правда.

Теперь едва ли не весь Цзинду стремился угодить Хо Цунцзину.

И пуще всех старались те принцы, что метили в будущие императоры.

Двенадцатый принц, разумеется, не был исключением.

Однако Хо Цунцзин принадлежал к числу людей, которым угодить практически невозможно: он был равнодушен к сокровищам, не интересовался красавицами, не предавался излишествам, а из дурных привычек имел лишь изрядную заносчивость — в чем каждый мог убедиться днем ранее, когда он во главе отряда силой ворвался в Башню Ветра и Луны.

Впрочем, именно это качество успокаивало тех, у кого была власть: если бы у человека не нашлось вовсе никаких слабостей, это означало бы, что им невозможно управлять.

Двенадцатый принц целый месяц ломал голову над тем, как же подступиться к Хо Цунцзину, как вдруг этим же вечером получил от самого преданного человека столь потрясающую новость:

Хо Цунцзин, судя по всему, питает слабость к мужчинам.

— Ты серьезно? — Двенадцатый принц не мог в это поверить.

Хо Цунцзин вышел из армейских рядов — сколько там крутится мужчин, должно ли было ждать Лю Чи, чтобы это заметить?

— У меня такое предчувствие. Я чувствую, что он придет ко мне. Сперва подождем три дня, если он не явится — я кое-что предприму, но в пределах семи дней результат наверняка будет, — тихо произнес Лю Чи.

Двенадцатый принц погладил себя по животу и справился:

— У тебя найдется тут какая-нибудь еда? Я целый день провыл по усопшим во Дворце и крошки во рту не держал.

Лю Чи открыл дверь, отдал парочку распоряжений стоявшим на пороге слугам, и вскоре те принесли еду.

— Я тоже еще не ел.

Двенадцатый принц, без капли благородных манер, подхватил палочки, придвинул к себе пиалу и вперил жадный взгляд в мясные блюда, с хвалой заметив:

— Все-таки стряпня у тебя отменная, а от дворцового хрючева уже воротит.

— Я приготовил для тебя редкие лекарственные травы, заberi их с собой. И вечер сегодня выдался как раз подходящий, — произнес Лю Чи.

— Мы ведь даже не пили, с чего тебя так понесло? — Лю Чи пропустил мимо ушей дурацкое прозвище, которым тот его наградил, передал приготовленные для него травы, золото и серебро и махнул рукой: — Ступай уже.

В Царстве Цзинь на тот момент насчитывалось тридцать пять живых принцев и пятьдесят семь принцесс, а если прибавить усопших — и того больше.

С пугающей меткостью Император искоренил любые междоусобные распри за право наследования престола, попутно превратив воспитание потомства в сущий кошмар для всей императорской семьи.

Когда родился Двенадцатый принц, хотя его матерью была лишь рядовая дворцовая служанка, случайно попавшаяся государю на глаза, он все же удостоился положенного принцу внимания. Но теперь новорожденного принца, пожалуй, забили бы насмерть прямо на месте, и никто бы и ухом не повел.

Во время дворцовых пиров число одних лишь принцев и принцесс переваливало за сотню. Подобное положение дел, немыслимое при любой из прошлых династий, привело к тому, что членам императорской крови приходилось составлять графики даже для посещения банкетов. За исключением самых старших принцев, которым в первые годы пожаловали титулы и собственные поместья, все остальные были вынуждены бессменно ютиться в «общежитии».

Двенадцатому принцу уже исполнилось семнадцать, а он по-прежнему жил вместе с десятками младших братьев и сестер: казне было не по силам содержать столько титулов и усадеб. Если бы всех этих принцев распустили по собственным владениям, ежегодные расходы увеличились бы по меньшей мере на миллион лянов серебра.

Он вовсе не лгал Лю Чи: в императорском дворце их пичкали казенной баландой, и как ее ни старайся стряпать, она не сравнилась бы с порционными блюдами из кухни Лю Чи.

Будь его мать знатных кровей, он, конечно, мог бы трапезничать с ней, но мать Двенадцатого принца скончалась двенадцать лет назад.

Двенадцатый принц то и дело сравнивал императорский дворец со свинарником, и это было его искренним мнением — пожалуй, даже домашние свиньи в народе не плодились в таких количествах.

Покинув Башню Ветра и Луны, Двенадцатый принц мигом стер с лица выражение сытого и довольного жизнью человека, сменив его на скорбную маску.

Когда карета добралась до особняка Цянь-шилана Чэнь Боюаня, лицо Двенадцатого принца уже заливали горькие слезы.

Всё задумывалось ради того, чтобы разыграть скорбь. Он должен был явиться в дом Чэнь Боюаня и с надрывом расписать тому, как тяжело переживает гибель младшего брата. Чэнь Боюань был очень привязан к сестре, и, видя, как Двенадцатый принц так же трепетно любит своего младшего брата, он неизбежно проникнется к нему симпатией.

Затем принц достанет лекарственные травы, изъяснит, как глубоко понимает его боль утраты, а напоследок посоветует Цянь-силану беречь себя и домашних, чтобы как можно скорее оправиться и послужить во благо Императора.

Спустя час, когда Двенадцатый принц покидал особняк, Чэнь Боюань лично провожал его до самых ворот. Они шли рука об руку, в глазах обоих блеснули слезы — вылитые родственные души, встретившиеся слишком поздно.

— Тебе нельзя ночевать здесь этой ночью. Стоит лишь умереть брату, как ты в тот же день заваливаешься спать в Башню Ветра и Луны — это будет выглядеть слишком неприглядно, — напутствовал его Лю Чи. — Отправляйся сегодня с визитом в дом Цянь-шилана Чэнь Боюаня. Человек он неименитый, пока занимает лишь должность временного Цянь-шилана, но у него выдающиеся способности, и тебе стоит наладить с ним отношения как можно раньше.

Как только представится удобный момент, проси Императора о переводе в Министерство финансов. По сравнению с другими ведомствами оно не так бросается в глаза, а при поддержке Цянь-шилана и твоих давних связях среди богатых купцов этого хватит, чтобы прочно встать там на ноги. Глаза Лю Чи ярко блеснули в отсветах свечи. — Пусть придется еще немного подождать, Двенадцатый, но мы наконец-то готовы сделать первый шаг.

Пламя свечей качнулось. Убедившись, что Двенадцатый принц наелся, Лю Чи велел убрать посуду, а затем протянул ему исписанный лист бумаги.

— Он рано лишился родителей, и его тянула, поднимала на ноги одна старшая сестра. В последнее время она тяжело болела, и поиски лекарей с лекарствами отняли у него все силы — иначе он бы уже давно блеснул в Министерстве финансов.

Двенадцатый принц скользнул взглядом по бумаге с данными о Чэнь Боюане, приподнял брови и отозвался:

— Не переживай, я всё понял.

— Хорошо. Во всяком случае, чего у меня сейчас в избытке, так это времени. Можешь

действовать так, как считаешь нужным.

В настоящий момент Чэнь Боюань был лишь человеком незнатного происхождения на посту временного Цянь-шилана, и подобное внимание со стороны принца он, вне сомнений, оценит. К тому же, ученый готов отдать жизнь за того, кто его понимает: Двенадцатый принц не только признал его таланты, но и выручил в смертный час, спас жизнь его сестре. Пусть он и не бросится в ноги сию же секунду, по крайней мере, Двенадцатый принц сможет считать его своим человеком.

А избавившись от тяжкого бремени больной сестры, Чэнь Боюань сможет в полную силу развернуться в Министерстве финансов.

Двенадцатый принц поднялся на ноги, а в его глазах горело пламя амбиций, раз в сто превосходившее свет этих свечей.

— Малыш Золотая Рыбка, — улыбнулся он, — я же говорил, что с тобой обязательно стану императором.

Лю Чи сидел напротив, уже привыкший к тому, что тот при каждом удобном случае сравнивает Императорский Дворец со свинарником, и молча разделял с ним трапезу.

Оставшись после расставания один в карете, Двенадцатый принц не стал вытирать фальшивые слезы у глаз. С безразличным выражением лица глядя на тусклый светильник в углу, он тихо приказал:

— Во дворец. Этому слуге нужно как следует оплакать двадцать третьего братца.

На утреннем докладе на следующий день цензор ожидаемо обвинил Генерала, подавляющего Восток в заносчивости, но Император лишь отмахнулся смехом.

А после окончания аудиенции мысли Хо Цунцзина целиком и полностью занимал тот самый юный куртизан, которого он видел вчера в Башне Ветра и Луны.

Строго говоря, юным тот не был — Лю Чи уже исполнилось семнадцать, просто Хо Цунцзин привык к грубоватости армейских людей и впервые столкнулся с кем-то настолько нежным и утонченным. Главное — Лю Чи совсем не походил на сыновей богачей: каждая деталь в нем казалась донельзя изысканной и прекрасной, отчего Хо Цунцзину и виделся мальчишкой.

Вчера, когда Наследник князя Вэйу приходил в себя после порки и сквозь слезы мазал раны мазью, Хо Цунцзин расспросил его о Лю Чи.

Узнав, сколько серебра тот спустил, Хо Цунцзин не удержался и отвесил наследнику пару ударов плетью со словами: «Голова твоя садовая!»

Наследник же, не раскаиваясь ни капли, заявил, что это Двенадцатый принц сошел с ума — ради того, чтобы выкупить всю Башню Ветра и Луны под Лю Чи, тот разорился до такой степени, что у него не нашлось денег даже на то, чтобы покинуть дворец и обустроить собственное поместье.

Хо Цунцзин ни капли не поверил этой чуши: будь Двенадцатый принц настолько влюблен, стал бы он позволять Лю Чи и дальше принимать клиентов в том заведении?

И все же он то и дело ловил себя на том, что вспоминает увиденного вчера юношу под пологом алого шелка и две розовые хризантемы.

Стоило ему попытаться выбросить это из головы, как посторонние люди норовили напомнить о его вчерашнем визите в Башню Ветра и Луны.

Даже после утреннего доклада Хо Цунцзин не мог отделаться от этих мыслей и тяжело нахмурился.

Он решил больше не терзать себя.

С какой стати другим туда ходить можно, а Хо Цунцзину — нельзя?

Башня Ветра и Луны, дремавшая средь бела дня, вновь распахнула двери перед незваным гостем.

На этот раз Хо Цунцзин вел себя не так грубо, как в прошлый.

Тем не менее, содержательница заведения едва поспевала следом, отчаянно причитая:

— Генерал Хо, погодите же! Господин Лю еще не вставал!

Не вставал?

Он же успел отбыть утренний доклад, да еще и не спеша доскакал сюда на коне, а этот Лю Чи — какая же непозволительная лень!

Хо Цунцзин проигнорировал ее вопли: в конце концов, он уже видел Лю Чи во всей красе. Ну не встал и не встал, теперь, чтобы полюбоваться на Лю Чи, ему вовсе не нужно было выбирать подходящее время.

Хрупкая резная деревянная дверь снова разлетелась от грубого удара.

Разбуженный Лю Чи завернулся в одеяло, с трудом приоткрыл глаза и высунул голову из-за шелкового полога.

Ах, это Генерал, подавляющий Восток.

Решив, что ему снится вчерашний сон, Лю Чи зажмурился и, завалившись обратно, продолжил спать.

Хо Цунцзин никак не ожидал подобной реакции. Приподняв брови, он затворил за собой качнувшуюся дверь и подошел к постели, глядя на этого ленивого куртизана.

Все окна были наглухо задернуты плотными шторами, так что в комнате стояла ночная темнота — идеальные условия для сна.

Хо Цунцзин молча стоял у изголовья.

Даже во сне Лю Чи был невероятно хорош собой. Его лицу стоило признать право называться главным оружием: даже при таком тусклом освещении оно источало неотразимую, ослепительную красоту.

Придя сюда, Хо Цунцзин всего лишь хотел взглянуть на него, но теперь его взгляд неспешно скользнул по губам, переносице и сомкнутым векам юноши.

Глаза распахнулись.

Наконец-то заметив чужое присутствие, Лю Чи заторможенно сел, кутаясь в одеяло, и растерянно уставился на Хо Цунцзина, выдав полусонным голосом:

— Генерал, подавляющий Восток?

Хо Цунцзин приподнял бровь и, глядя на него сверху вниз, поинтересовался:

— Наконец-то соизволил проснуться?

Заметив, что под одеялом тело Лю Чи по-прежнему обнажено — в прошлый раз на нем хотя бы оставался слой полупрозрачной ткани, а теперь не было и ее, — он невольно усомнился, действительно ли тем, кто этим занимается, не положено носить одежду.

— Зачем вы пожаловали? — запрокинув голову, спросил Лю Чи, чей мозг всё еще отказывался соображать.

— Разве ты не принимаешь гостей?

Каких еще гостей?

Тут сознание Лю Чи наконец прояснилось: Хо Цунцзин пришел платить за вазу.

Впрочем, вины его в этом не было — явись сюда кто угодно другой, будь то Наследник князя Вэйу или кто-то еще, Лю Чи в ту же секунду догадался бы о намерениях гостя.

Но это же Хо Цунцзин.

Непробиваемый, глухой к любым намекам Генерал, подавляющий Восток.

Пару секунд Лю Чи смотрел на него странным, полным сложнейших эмоций взглядом, а затем неторопливо выбрался из-под одеяла — на нем и вправду ничего не было.

— Так вы желаете испить чаю вприкуску с беседой или... — он бросил на генерала косой взгляд, — хотите купить вазу?

<http://bllate.org/book/21314/2162807>